Левому движению нужен олигарх-государственник

Логика эволюции левого в современной России

Левый политический спектр находится сегодня в том же состоянии, что в девяностых и нулевых. В России левых нет, есть только правые – эта ситуация не изменилась. Она совпала с приходом Путина как фигуры, которая концентрирует все силовые линии правого. И выдвижение на передний план идеологии консервативного большинства, произошедшее после одиннадцатого года – лишь элемент той роли Путина, которая оформилась в самом начале его правления. Но сейчас политическая модель с одной центральной фигурой становится кризисной. Эта модель, в рамках обозначения самого этого имени, распадается. И в этом есть определенные шансы для левых. Невозможность более концентрировать в одной точке все оттенки правого дает шанс, чтобы левые появились из ниоткуда.

Другие шансы эволюции левого тоже очень интересны. Возможно появление неких могущественных отставников, неких глыб, отпавших от монумента политической системы. И вовсе не случайно активность этих глыб давится и переводится во внеполитическое русло. Неслучайно они сводятся к роли простых неофеодалов. И, как правило, кстати, они с этой ролью соглашаются – например, Якунин. Но если найдется какой-то опальный олигарх-государственник из путинской когорты. Может получиться интересная игра, связанная, например, с отечественными христианскими демократами, или с отсоединением христианских ценностей от ценностей левых движений, понятых в русле отечественной политической традиции. Это получатся не те левые, что борются за права трансгендеров или мексиканских тушканчиков, живущих в изгнании где-нибудь в Мексике. Это будут другие левые, более близкие к наследию Герцена. Причем и социальное положение Герцена может стать примером для некого новоиспеченного опального олигарха-государственника. Ведь без

своего социального положения Герцен не сделал бы той политическо-идеологической карьеры. Появление такого человека стало бы интересным феноменом и сыграло бы интересную роль. Но с другой стороны, скажем прямо – они там все не Герцены… И еще, главное, это должен быть олигарх-государственник, а не какой-нибудь Березовский, который поднаторел в том, чтобы продать Россию, а потом продать еще раз. И какого-нибудь Ходорковского я так же в этой роли не вижу – даже самые его большие симпатизанты говорят, что он сохранил мышление человека из девяностых, в лучшем случае, ранних нулевых. Он является идеальным спарринг-партнером для Путина, но, боюсь, и Путину он надоел. Это очевидно по тому, как раскручивают Навального.

Андрей Ашкеров

ЧК против «комсомолии»

Ходорковский идеальный спарринг-партнер, потому что у них с Путиным сходным образом устроен менталитет – если бы в той схватке победил Ходорковский – мы бы имели примерно то же самое, что и теперь. Самое же интересное в противоборстве Путина и Ходорковского то, что это противоборство двух известных линий – линии ЧК, которую представляет, собственно, Путин и линии комсомолии. Той самой комсомолии, которая воплощалась фигурой Шелепина и ассоциировалась с проектом «русской партии». К комсомолии прилегал и Янаев – номинально главный ГКЧПист. Линия комсомолии вступила в резонанс с линией ЧК. Те научно-технические объединения и кооперативы, появившиеся на заре перестройки, были, конечно, совместным детищем комсомолии и ЧК, но они давали определенный шанс комсомолии. Наши олигархи это продолжение как раз той комсомольской линии. Сегодня у нас получился своего рода альянс ЧК и комсомолии. А ведь комсомолия могла в этом альянсе отвоевывать более самостоятельную роль – в том числе, и в рамках тех сюжетов, которые могли появиться после выхода

Ходорковского. Но эти сюжеты, к сожалению, не появились. Хотя, конечно, Ходорковский остался верен определенному стилю – он рекрутировал новобранцев комсомольцев типа Бароновой. Это очень четко опознаваемый образ – такая комсомолка без страха и упрека. В этом линия комсомолии никуда не делась, но какой-то заметной роли в организации или реорганизации политического капитала комсомолия не сыграла. Все, что связано с ее деятельностью, описывается понятием комариного укуса.

Судьба левого может зависеть от комсомолии, но совсем в другом смысле – в каком-то смысле комсомолия породила олигархию 1990-х годов. Очень многие, даже те, кто не был назначен на роль ответственных кооператоров и появился позже, всё равно имел некое комсомольское прошлое. Они даже физиогномически попадают под определенный образ комсомольца – тот же Прохоров – комсомолец, которого тоже, кстати, пытались призвать во власть. Когда я консультировал Прохорова, я предлагал ему образ красного олигарха, олигарха народа ради, который делится с широкими народными массами своим видением, своим фартом. Он поймал удачу сам и готов поделиться этой удачей с другими. Но этот образ совершенно чужд этим комсомольцам – главная их особенность – очень быстро забывать комсомольское прошлое, предполагавшее некоторые принципы справедливости.

У людей из 1990-х видимо существует какая-то травма бедности, запрещающая думать о справедливости – в глубине души они очень бедные люди, которые не могут ничем делиться ни с кем – это очень характерная деталь.
Олигарх-государственник, эволюционировавший в христианского демократа, или олигарх из 1990-х, переосмысливший всё и ударившийся, например, в толстовство, занявшийся проблемой средней России – вот это был бы другой извод эволюции левого. Но пока оба извода не состоялись.

Социал-демократический извод левого начала и судьба Сергея Удальцова

После бесславных потуг Горбачева альтернатива социал-

демократического извода левого окончательно отвергнута. Впрочем, если бы Горбачев не был Горбачевым, а продержался бы во время ельцинского правления, хотя бы пять-семь лет, может быть, что-то напоминающее советскую социал-демократию и возникло бы.

Поле социал-демократов остается не только невозделанным, но и отвергнутым – о его существовании забыли. Были потуги назвать себя социал-демократами, например, Гудковы называли себя социал-демократами, не понимая, что это такое. Но эти попытки не увенчались ничем. Поэтому здесь у недавно вышедшего Удальцова большое поле для деятельности – он может стать первым современным российским социал-демократом. Это один из вариантов не только идеологического амплуа, это один из вариантов реструктурирования всей политической реальности, потому что если в этой реальности возникнет что-то напоминающее социал-демократию, реальность эта, конечно, сильно изменится. И общее ощущение скуки от отсутствия новых лиц и чрезмерной задирижированности политического процесса открывает перед Удальцовым большую свободу для маневра. Но большая свобода для маневра требует невероятной решимости. Требует, с одной стороны, – готовности к планомерному поведению, а с другой – готовности пользоваться любой подворачивающейся возможностью. То самое сочетание планомерности и случайности, которое было, прежде всего, у Ленина, что и делало его великим политиком. Великим левым политиком, который по-настоящему пришел к власти. Перед Удальцовым стоит задача доказать до какой степени он Ленин сегодня. И имидж городского сумасшедшего, человека не вполне вменяемого, не вполне адекватного – здесь тоже играет ему на руку, потому что позволяет действовать как чертику из табакерки – позволяет ему быть непредсказуемым, выбирать из разнообразных репертуаров, которые всяческие кураторы будут наперебой ему предлагать.

Но та невозможность более концентрировать в одной точке все оттенки правого о которой мы говорили, тот шанс появления из

ниоткуда левого крыла. Очень вряд ли он будет связан с Удальцовым – для этого нужно быть не только политиком, но и мыслителем очень большого масштаба. Я не думаю, что он этим мыслителем является. Нужны теоретические ответы, которые были бы в резонансе с ситуацией и, опять же, нужно быть куда большим Лениным, чем кто бы то ни было на политической сцене сегодня.